

Джусупбеков А.К.

СТРУКТУРА ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НОМАДОВ

Анализируя структуру этнической идентичности номадов, следует, в первую очередь, подчеркнуть следующие особенности этнической идентичности номадов, такие как примат коллективистского, группового, общинного начала над индивидуальными, личностными проявлениями и интересами кочевников. Отсюда культ и господство общинных традиций, ценностей, обычаев, коллективной солидарности.

Во-вторых, почти военизированный или полuvoенизированный тип образа жизни, к которому во многом можно отнести кочевое хозяйство, способствовал выработке крайне аскетичных, жестких принципов и ценностей, как в поведении, так и в психологии и сознании кочевников, куда составной частью входят и этническая идентичность, но при этом феноменальной устойчивости этнической идентичности, которая трудно поддается изменениям ее.

В-третьих, при подобной стабильности и устойчивости этническая идентичность представляет собой многослойное, многоуровневое, этнопсихологическое явление, основными уровнями которого являются родоплеменная, этнорегиональная, общеэтническая и этнонациональная идентичности. Кроме основных уровней, существуют переходные ступени в процессе этнической идентификации, подуровни и надуровни, и в комплексе они представляют собой живой, взаимопереходящий, взаимодополняемый поток человеческих представлений, идей, чувств, настроений, эмоций, реакций, ценностей, символов, рассматриваемых в ракурсе отождествления той или иной этнической или этнонациональной общностью, группой, их подструктурами в зависимости от конкретной социально-этнической ситуации, как в синхронной совокупности, так и в диахронном развитии.

Специфической характеристикой этнической идентичности номадов является выраженность родоплеменного уровня этнической идентичности, которая фактически отсутствует в структуре этнической идентичности земледельческих этносов. Причем, родоплеменная идентичность сохраняет свой потенциал еще длительное время в постномадическом развитии, и в кризисные ситуации она оперативно актуализируется, т.е. ярко проявляется механизм архаизации этнической идентичности.

В свою очередь, также как и этническая идентичность номадов, родоплеменной уровень этнической идентичности имеет сложную,

многоступенчатую структуру, состоящую из ряда субуровней, таких как отождествление себя с тем или иным родом или родоплеменным образованием, которое обычно делится на лимиджи, означающие однолинейную, родственную группу, происхождение которой ведется не от мифического, в отличие от рода и реально существующего предка, что может быть прослежено и установлено.

В этнологии активно используется также термин «патронимия» наряду с термином «семейно-родственная группа», употребляющийся для обозначения группы относительно близких родственников по отцовской линии, возводящих к общему хорошо памятному, мужскому предку, что отражает генеалогический аспект патронимии или локализованных близки? родственников и членов их семей, что относится к общинно! характеристике патронимии.

Патронимия относится только к пережиточным родовым родоподобным структурам, а патрилинидж включает в себя и внутриродовые подразделения. Ярким примером линиджа или патрилиниджа являются семейно-родственные группы, существовавшие у кыргызов и называвшиеся «бир атаным балдары» - «дети одного отца», и представлявшие собой потомков общего предка, чаще всего в третьем, четвертом, редко - во втором или пятом поколениях, т.е. идентифицирующие себя с потомками одного, столь отдаленного предка.

Большую роль в сохранении и культивировании родовой и семейно-родственной групповой идентичности у номадов-носителей изустной культуры играют устные, родовые генеалогические родословные – санжыра, являющиеся обязательным минимумом исторической памяти кочевников. Знание родословной являлось информационной основой родоплеменной идентичности, способствующей консолидации родоплеменных общин и оберегающей от инбридинга - кровосмешения.

Два или несколько родов образовывали племя как тип этнической и социальной общности, основанной на кровнородственных связях, реальных, чаще фиктивных или мифических между его членами, которые помнили прочие известные атрибуты обладания племенной идентичности. Несколько племен образовывали соплеменность вплоть до союзов племен, таких как старший, средний и младший жузы у казахов, правое и левое крылья, «ичкилик» - у кыргызов, которые составляли в совокупности конфедерации племен, составляющих костяк формирую-

шейся народности. Все эти надплеменные структуры обладали выраженными формами надродоплеменной идентичности.

Таким образом, структура родоплеменной идентичности состояла из родовых и племенных подуровней, которые соответственно подразделялись на патрилиниджевые (патриархально-семейные) и соплеменные (конфедеративные) субуровни и суперуровни родоплеменной идеентичности.

Конфигурации родовых, племенных и суперплеменных структур и подструктур в условиях мобильного, динамичного и сверхполитизированного, по сравнению с соседними, земледельческими этносами, образа жизни кочевников менялись как в калейдоскопе, и, соответственно, сопровождалась бурными этноидентификационными процессами как в сторону консолидации, так и в направлении дезинтеграции отождествления себя с теми или иными родоплеменными образованиями.

В первом случае, рода и племена распадались и растворялись в более мелких, этнических образованиях или ассимилировались другими, более живучими и крупными этническими общностями, а во втором - формировались в единую народность с выраженной общетнической идентичностью.

Особого внимания в анализируемой концепции многоуровневой этнической идентичности номадов заслуживает рассмотрение этнорегиональной идентичности.

Несмотря на то, что этнотерриториальные общности не составляют особый вид или ступень социально-этнических общностей, таких как род, племя, народность, этнонациональная, этнорегиональная, этнотерриториальная, этнолокальная идентичности, они играют большую роль в этноидентификационных процессах и у номадов, и у других типов и групп этнических общностей.

Родоплеменные идентичности противостоят этнорегиональному уровню этнической идентичности, как осознанию региональной, территориальной, локальной общности происхождения или проживания, а также совокупности связей, возникающих на основе совместного проживания и происхождения членов различных территориальных общин, начиная с сельских и городских населенных пунктов, их структурных подразделений, районов, областей, географических частей страны, вплоть до государства, рассматриваемых в этническом ракурсе.

Любая территория, если анализировать ее этническую составляющую, населена представителями тех или иных национальностей, которые, в свою очередь, представлены теми или иными родоплеменными образованиями, что более всего характерно для номадических

этносов. Именно своеобразная совокупность родов и племен, сконцентрированная на данной территории, в регионе или локальной местности, отличающиеся своими специфическими, географическими, природно-климатическими, социально-экономическими особенностями от других территориальных единиц общей территории страны, то или иное влияние инонациональных элементов на этническое развитие этих родоплеменных структур, специфическая ближняя и дальняя история, которую пережили и переживают люди, проживающие на этой территории и их взаимоотношения с другими территориальными общностями, формируют особую этнотерриториальную, этнорегиональную и этнолокальную общность людей, как представителей той или иной национальности. Причем, обычно этнорегиональные комбинации родов и племен бывают специфическими для той или иной территории с преобладанием наиболее характерных для нее родоплеменных образований. Например, если на севере Кыргызстана, за исключением Таласской области, костяк кыргызского населения составлял и составляют представители племен, входящих в правое крыло кыргызских племен солто, сарыбагыш, саяк, бугу, черик, тынымсеит, азык, монолдор и др., то на юге Кыргызстана своей традиционной территорией считают в основном представители левого крыла кыргызских племен так называемые «ичкилики».

Соответственно специфическими комбинациями преобладающих родов и племен, характерными именно для данной территории представлено кыргызское население всех областей. В таком же ключе можно увидеть кыргызское население в разрезе районов и отдельных населенных пунктов, но уже в разрезе внутрплеменных, внутривидовых и даже патрилиниджных структур. Хотя в связи с массовой миграцией населения из всех областей в крупные города, особенно в г. Бишкек и Чуйскую область, родоплеменная мозаика в новых местах проживания становится более богатой и цветистой.

Параллельно с миграцией, мобильностью и укорененностью населения в том или ином регионе или населенном пункте, формируются и развиваются этнорегиональные, идентификационные процессы у складывающихся и уже сложившихся этнорегиональных общностей. Реальное наличие этнорегиональных общностей и их идентичностей у представителей той или иной национальности, в том числе и номадов, позволяет этнорегиональную идентичность рассматривать как один из основных уровней этнической идентичности, которая обычно более

выражена и характерна для оседлого населения, нежели у кочевников. Но оседание последних способствует росту этнорегиональных ориентации, ценностей, отождествлению постномадов с населением данной территориальной единицы.

Этнорегиональная идентичность по сравнению с родоплеменной, олицетворяющей осознание связей по родству всех его видов, вплоть до мифических, более гибкая и адекватная в условиях формирования соседской, территориальной общины. Этнорегиональная идентичность создает и необходимые основы формирования общетерриториальной идентичности и тем самым становится основой общезнаковой идентичности.

При переходе от родоплеменной общины к соседской формируется территориальное родство, когда родоплеменные ценности экстраполируются на соседей по населенному пункту, локальной местности, тому или иному региону и формируется региональная идентичность, а если рассматривать внутриэтнический аспект, то этнорегионализм или этнорегиональный патриотизм, т.е. культ «малой родины».

Большое значение этнорегиональная идентичность имеет для слабоконсолидированных этносов, выполняющих аффилиативную функцию этнической идентичности, т.е. удовлетворение потребности чувствовать, ощущать, идентифицировать себя с той или иной этнической общиной или группой. Обычно аффилиативная потребность сильно развита у этносов, особенно кочевников, которые культивируют общинные, коллективистские, групповые традиции и ценности.

Этнорегиональная идентичность, несмотря на свою большую вариативность, опирается на определенные особенности языка, культуры, традиции, историю, религию, взаимоотношения с другими регионами, социально-экономическую специфику. Как и любой другой уровень этнической идентичности, особенно у кочевников, этнорегионализм имеет большой потенциал для мобилизации, конструирования, инструментирования со стороны элиты. Часто встречается, когда представители того или иного этноса считают себя наиболее адекватными общезнаковому эталону, например, кыргызы более соответствуют этому, чем жители или выходцы из других территорий. Это касается и кочевничества.

Крайне важно, чтобы субординация иерархичности различных уровней этнорегиональной идентичности, начиная с локальной, региональной и заканчивая общетерриториальной в масштабах государства, находилась в подчиненно господствующих отношениях, в противном случае, это могло привести к развалу

территориальной или государственной общинности, т.е. этносепаратизму.

В социальной практике чаще всего встречается обыденный этнорегионализм, не достигший до идеологического уровня. Но могут быть ситуации, когда, особенно под влиянием зарубежных спецслужб, идеология и обыденная психология могут встретиться и объединиться в единый политический фронт. При здоровом развитии этнической идентичности необходим этнорегиональный компонент для выражения этнорегиональных процессов, только как компонент, а не доминирующий уровень этнической идентичности.

И родоплеменной, и этнорегиональный уровни этнической идентичности являются необходимыми условиями и компонентами общезнаковой идентичности кочевников. Кочевничество, как образ жизни и тип цивилизации, растягивает на многие сотни лет процесс общезнаковой консолидации и, соответственно, идентификации. Многоуровневость этнической идентичности кочевников, аффилиативные потребности которых легко удовлетворяются, в первую очередь, родоплеменной идентичностью, а затем этнорегиональными уровнями идентификации, не позволяет дезинтеграционным процессам этнического развития на длительный период стать доминирующими, стабильными, долговременными. В зависимости от природных процессов, исторических изменений по воле лидеров, кочевнические образования, союзы, конфедерации, государства, империи то образуются, то распадаются. И, поэтому, по сравнению с земледельческими этносами, основу которых составляют этнорегиональные образования, кочевники с их развитием, родоплеменной самосознанием, создавая и разрушая те или иные союзы и государства, очень сложными и трудными путями формируются в единую народность, которая является важнейшей целью или символом кочевников. К последним относятся также и национальная государственность.

Поэтому для становления общезнаковой идентичности необходимо преодоление родоплеменных распри, раздробленности. Процессы массового оседания и освоение земледельческих ремесел связаны с системой государственного регулирования и защиты. Такими важнейшими этапами формирования общезнаковой идентичности явилось присоединение к России, разделение кочевого населения на волости и аулы вместо родовых структур, возникновение оседлых поселений, развитие мелких капиталистических предприятий и бай-манапских хозяйств. Широкое привлечение пришлой рабочей силы из других аилов, волостей, уездов тем самым разрушало родоплеменные

структуры, формировало разнообразные по родоплеменному происхождению этнорегиональные населенные пункты и территориальные общины. Вторым важнейшим этапом этнической консолидации кыргызов явился советский период, когда произошло национальное размежевание в Туркестане, стали возникать первые формы новой кыргызской государственности в виде автономной области, автономной, а затем и союзной республики. Хотя эти государственные формы кыргызского этноса носили крайне ограниченный характер, полностью находились под тотальным контролем Москвы, они заложили основы более ускоренного этнического развития кыргызов из народности в этнонацию.

Национальная государственность кыргызского народа параллельно с консолидационными процессами в экономике, в массовом оседании кочевников, в земельно-водной реформе, коллективизации, индустриализации культурной революции укрепляли общеэтническую идентичность кыргызской народности дооктябрьского периода, становясь доминирующим уровнем в структуре этнической идентичности кыргызских номадов над родоплеменным и этнорегиональ-

ным самоотождествлением и самосознанием. Но, оставаясь господствующей тенденцией, общеэтническая идентичность номадов и постномадов, не может зачеркнуть, отменить или выхолостить нижние уровни этнической идентичности, особенно родоплеменную идентичность, которая фактически отсутствует у земледельческих этносов.

Родоплеменная идентичность сама по себе, как в определенной степени адаптированная к территориальным общностям в виде этнорегионализма, находится как бы в «спящем» состоянии или в тени. В экстремальных условиях может мобилизоваться не без помощи заинтересованных слоев элиты и актуализироваться как инструмент и конструкция для достижения тех или иных политических целей, далеко выходя за рамки простой этнографической констатации этнокультурной традиции и обязательного знания условности.

Особого внимания заслуживает самый высокий уровень этнической идентичности, точнее даже над- или суперуровень – этнонациональный в номадическом и постномадическом развитии, особенности его отличия от других типов этносов и наций.